

М. О. Штейнберг: первый год в Ташкенте

В статье представлены материалы одного из дневников композитора М. О. Штейнберга — профессора Петербургской, затем Ленинградской консерватории, зятя Н. А. Римского-Корсакова. Дневник охватывает период от 1940 до первой половины 1942 года и описывает события, связанные с эвакуацией консерватории в Ташкент и первым годом ее работы там. Дневник содержит сведения о композиторской и педагогической деятельности Штейнберга, об обучении студентов, о концертной жизни города в военные годы.

Ключевые слова: Штейнберг, Санкт-Петербургская консерватория, Ленинградская консерватория, Ташкент, война, дневник.

Имя композитора, профессора консерватории Максимилиана Осеевича Штейнберга (1883–1946) тесно связано с музыкальной жизнью России и Петербурга, затем Ленинграда первой половины XX столетия. Один из любимых учеников Н. А. Римского-Корсакова, муж его дочери Надежды Николаевны, М. О. Штейнберг после окончания Петербургской консерватории в 1908 году преподавал в ней, стал в 1915 году профессором, а в 1917 — деканом композиторского факультета, с 1931 по 1934 заведовал дирижерским отделением, с 1939 — кафедрой композиции. Его перу принадлежат пять симфоний, балеты «Метаморфозы» и «Тиль Уленшпигель», ряд симфонических и вокально-симфонических произведений. Имя Штейнберга часто упоминается в связи с Д. Д. Шостаковичем, закончившим консерваторию по его классу в 1926 году.

В фонде М. О. Штейнберга в Кабинете рукописей Российского института истории искусств в Санкт-Петербурге хранятся многочисленные материалы, связанные с жизнью, творчеством, музыкально-общественной и педагогической деятельностью композитора на протяжении полувека¹.

---

¹ КР РИИИ. Фонд 28 (М. О. Штейнберга) содержит 1047 единиц хранения. Документы фонда охватывают период с 1884 по 1952 г.

Среди этих материалов особый интерес представляют записные книжки Штейнберга², в которых он в течение многих десятилетий вел записи дневникового характера, касающиеся самых разнообразных сторон жизни семьи, собственного творчества, деятельности консерватории и проч. Страницы записных книжек содержат, по сути, летопись жизни Петербургской, затем Ленинградской консерватории, выполненную одним из самых активных ее участников. Каждая записная книжка — богатый источник сведений о разных сторонах консерваторской жизни, заслуживающий публикации в целом. В настоящей же статье мы обращаемся к записям лишь одной из 21 книжки — № 16³, охватывающей промежуток времени от конца 1940 до первой половины 1942 года⁴, материалы которой позволяют раскрыть один из самых трудных периодов в жизни Ленинградской консерватории — ее переезд в Ташкент после начала Великой Отечественной войны.

Запись от 22 июня 1941 года следует сразу за событиями дня предшествующего, связанного с кончиной Н. А. Римского-Корсакова⁵. Штейнберг отмечает: «21 июня⁶. 33-я годовщина смерти Н. А. Римского-Корсакова. Были с Дюром⁷ в некрополе, там застали Соню⁸. Теперь все имеет значительно лучший вид, чем в прежние годы. Куст бузины и клен разрослись и почти закрыли темную стену. <...> Посажено много цветов — розы и всякие другие. Кроме того, на всех могилах, не имевших памятников, теперь устанавливаются черные мраморные плиты (Кюи, Лядов, Каратыгин, Соколов и другие). Сегодня совсем летняя погода, и на кладбище хорошо (Л. 36 об.–37). <...> Вечером играл <...> 2 акта „Сервилли“»⁹. И уже следующая запись отмечает начало тяжелейших военных событий: «22 июня. Исторический день. Утром в 9 часов узнали, что Германия напала на нас

² Частичную публикацию материалов см.: 1. Из записных книжек М. О. Штейнберга 1919–1929 г. / Публ. О. Л. Данскер // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. Публикации и обзоры / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова. СПб., 1998. С. 88–131. 2. Шостакович в дневниках М. О. Штейнберга / Публ. и комм. О. Л. Данскер // Шостакович между мгновением и вечностью. Документы, материалы, статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб., 2000. С. 83–148.

³ КР РИИИ. Фонд 28. Ед. хр. 1114. Далее в тексте после каждой цитаты из данной записной книжки в скобках приводится указание листа.

⁴ Первая запись в данной книжке относится к 10 ноября 1940 г., последняя — к 25 мая 1942 г.

⁵ Н. А. Римский-Корсаков скончался 8 июня (21 июня по н. ст.) 1908 г.

⁶ В документе указание месяца всегда делается Штейнбергом римскими цифрами.

⁷ Так Штейнберг называл свою жену Надежду Николаевну Римскую-Корсакову (1884–1972).

⁸ Римская-Корсакова Софья Николаевна (в замужестве Троицкая) (1875–1948) — дочь Н. А. Римского-Корсакова.

⁹ Опера Н. А. Римского-Корсакова, созданная в 1901 г.

без всякого предупреждения; в 12.15 уже слушали речь Молотова по радио. Воздушной бомбардировке подверглись Киев, Житомир, Севастополь, Каунас; убито и ранено около 200 человек. Волнение необычное, на улицах масса народу, благо сегодня воскресенье. Весь день нервничали, то и дело слушали радио. Ужасно действует на нервы радио-рупор, с 5 часов ревуций на улице массовые песни» (Л. 37 об.).

С этого дня Штейнберг регулярно пишет о положении дел на фронте, давая им эмоциональную оценку. Так, 13 июля он отмечает: «В сводке появилось Псковское и Витебское направления. Назначены главнокомандующие: Ворошилов, Тимошенко и Буденный. Подписано соглашение с Англией» (Л. 41). И позднее, уже в Ташкенте, в дневнике появляются записи типа: «11 сентября. Утром слушал сводку: 9-го в 9 часов вечера был первый налет на Ленинград и сброшены бомбы. Ужасное состояние духа! Что-то со всеми нашими дорогими и близкими!» (Л. 52 об.). В записи от 13 декабря Штейнберг отмечает: «Война уже охватила весь мир. Япония напала на Америку и Англию и уже успела причинить им большой ущерб в разных местах. Германия и Италия тоже объявили войну США. Просто конец света. <...> Наши войска взяли Тихвин и Елец» (Л. 64). А уже через два дня, 15 декабря, Штейнберг фиксирует в дневнике: «Радостные известия из-под Москвы: 51 дивизия немцев на всех направлениях разбиты и отступают. Страстно, пламенно хочется, чтобы это было началом окончательного разгрома, началом возмездия за все неслыханные преступления» (Л. 64 об.).

О том, что предстоит эвакуация и что Ленинградская консерватория отправляется в Ташкент, Штейнберг начинает говорить в дневнике 10 июля. Он пишет: «Слухи об эвакуации некоторых работников искусств. Академики уезжают в Томск. Если бы не моя национальность — ни за что бы не поехал; а так страшно за Надю и за детей» (Л. 40). И далее следуют записи — 17 июля: «Вопрос об эвакуации видных работников искусств в организованном порядке... рассматривается. Сегодня уехали самостоятельно ряд артистов балета (Чабукиани, Дудинская и др.), в теплушках; с ними Дзержинский, который командирован ССК¹⁰ наводить порядок в детском лагере около Костромы» (Л. 41 об.). Запись 10 августа: «На Москву почти ежедневные налеты; но и наша авиация дважды бомбила подступы к Берлину. <...> В Консерватории грустные перспективы: предстоит огромное сокращение педагогического состава» (Л. 43 об. – 44). Запись от 17 августа: «Третьего дня утром неожиданно объявили об эвакуации всех академических театров; между тем уже продавали билеты на первые

---

¹⁰ Союз советских композиторов.

спектакли. Тут же возник вопрос об эвакуации Консерватории; сначала предложили группе профессоров ехать в Нальчик, но уже на другое утро этот вопрос отпал. Вчетвером (Николаев¹¹, Эйдлин¹², Кушнарев¹³ и я) были у Загурского¹⁴ в управлении искусств, и вопрос был решен. Сегодня уже известно, что едем 20-го в Ташкент. Смятение в душе нестерпимое: совсем не сплю (не более 3-х часов), просто душа разрывается на части — ведь такого ужаса еще не приходилось переживать. Едет всего около 1500 человек, считая студентов ВУЗа, училища и детской школы-десятилетки. Между тем обещают один лишь классный мягкий вагон, остальные — товарные. Ехать придется около месяца! Приятная перспектива, от которой кровь стынет. Вдобавок трагедия с сокращенными и уволенными в отпуск без сохранения содержания. Слово, временами жить не хочется» (Л. 44 об.). И, наконец, 20 августа: «Все эти мучительные до кошмара переживания по поводу эвакуации, усугубляемые буквально невыносимой консерваторской атмосферой, со всякими слухами, паникой и полным бедламом. Вчера, наконец, получены были все документы. Грустно было получить паспорт с отметкой об эвакуации — точно сразу стали бесправными» (Л. 44 об.).

Военные годы в Ташкенте провели многие представители русской интеллигенции. Здесь жили и работали поэтесса А. А. Ахматова, актриса Ф. Г. Раневская, писатель А. Н. Толстой; известный германист, литературовед и лингвист, профессор В. М. Жирмунский; пушкинист и теоретик литературы профессор Б. С. Мейлах; видный востоковед профессор Е. Э. Бертельс и другие деятели литературы и филологии.

В Ташкент вместе с Максимилианом Осеевичем и Надеждой Николаевной уехали младший сын Сергей, дочь Надежда, внук Сережа (Сергейка, как называет его в дневнике Штейнберг), родители которого — старший сын Штейнбергов Дмитрий и его жена Кира Мещерская — оставались

---

¹¹ Николаев Леонид Владимирович (1878–1942) — пианист. Окончил Московскую консерваторию по классу В. И. Сафонова. Профессор Ленинградской консерватории. Народный артист России. Скончался в Ташкенте.

¹² Эйдлин Юлий Ильич (1896–1958) — скрипач, окончил Петроградскую консерваторию в 1922 г. Профессор Ленинградской консерватории по классу скрипки, руководил классом квартета.

¹³ Кушнарев Христофор Степанович (1890–1960) — композитор, теоретик. Окончил Ленинградскую консерваторию в 1925 г. по классу А. М. Житомирского. Заслуженный деятель искусств Армянской ССР. Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР.

¹⁴ Загурский Борис Иванович (1901–1968) музыковед и театральный деятель. Заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1936–1938 гг. — директор Ленинградской консерватории. В описываемый период был начальником Управления по делам искусства Ленинградского горисполкома, позднее — директор Ленинградского Малого театра оперы и балета.

в Ленинграде¹⁵. Дорога в Ташкент заняла две с половиной недели, с 20 августа до 5 сентября. Штейнберг скрупулезно описывает трудное путешествие. Например, 28 августа он отмечает: «Уже девятые сутки мы в вагоне и даже как-то привыкли; даже сами убираем купе, коридор и уборные. Иногда наливают воду через крышу. Самое неприятное — ночные дежурства — сегодня дежурил с 11 до часу. Ночи ужасно холодные, приходится стоять одетым в пальто! Когда не спишь, одолевают мрачные мысли обо всем и всех оставленных и о предстоящем. Военные наши дела очень плохи: на Украине немцы дошли до Днепропетровска (что с Киевом — неизвестно), враги у самых ворот Ленинграда, и трудно сказать, какая участь ожидает всех оставшихся. Печаль и тоска!» (Л. 47 об. – 48). Не обошлось и без курьезов. Так в записях от 25 августа читаем: «До Ярославля путь — сплошное стояние, добрались только к 10 ч. Вечером без конца стояли на станции Всполы. Ужасно, что на дороге нет решительно никакой провизии; запасы кончаются, и что будет с нами, никому неизвестно. Вчера и сегодня дежурил с величайшим трудом, особенно второй час — видимо, очень ослабел. Вдобавок вчера в полной темноте Лия Зелихман¹⁶ съездила меня по лицу, отчего правый глаз сегодня гноится» (Л. 46 об. – 47).

Приезд в Ташкент был связан с многочисленными проблемами: необходимо было найти подходящее жилье, обзавестись самой необходимой мебелью, наладить быт. Штейнберг подробно описывает обустройство семьи на новом месте, бесконечные проблемы, перебои с продовольствием и проч. Но все это не помешало Максимилиану Осеевичу практически сразу включиться в музыкальную жизнь Ташкента, работать творчески самому и, главное, продолжать педагогическую работу. Кроме того, в Ташкенте Штейнберг встретился с коллегами из других городов. На вокзале в момент приезда были, как пишет Штейнберг, «к величайшему изумлению, киевляне: Ревуцкий¹⁷, Бертъе¹⁸, Михайлов¹⁹, прикомандированные к здешней Консерватории и получившие кафедры» (Л. 49 об.). Очень тесным

¹⁵ Воспоминания Сергея Дмитриевича Штейнберга о семье, в том числе и о поездке в Ташкент, см. в статье: «Крутые люди 30-х годов» // Рыбак Приморья. 1999. № 36.

¹⁶ Зелихман Лия Ильинична (1910–1971) — пианистка. Окончила Ленинградскую консерваторию и аспирантуру по классу С.И. Савшинского, преподавала фортепиано, камерный ансамбль, вела концертмейстерский класс.

¹⁷ Ревуцкий Лев Николаевич (1889–1977) — украинский композитор, окончил Киевскую консерваторию по классу Р.М. Глиэра (1916). Народный артист СССР, профессор Киевской консерватории (с 1935 г.).

¹⁸ Бертъе (Лившиц) Давид Соломонович (1887–1950) — скрипач, профессор Киевской консерватории.

¹⁹ Михайлов Константин Николаевич (1882–1961) — пианист, профессор Киевской консерватории.

было и общение с В. А. Успенским²⁰, жившим и работавшим в Ташкенте. Его имя часто упоминается на страницах дневника. Именно ему нанесли Штейнберги свой первый визит. В записях 6 сентября композитор отмечает: «... в 4 часа отправились к Успенскому. Вся вторая половина дня прошла тепло и уютно за обедом — в высшей степени превосходным <...>. У Успенских живет В. М. Беляев с женой. Жена Усп[енского] — Ксения Михайловна очень симпатичная. Уютный домик на прекрасной улице, много старинных восточных вещей, рабочая обстановка» (Л. 50 об. – 51). Штейнберг записывает 13 апреля 1942 года: «Вчера вечером с Дюром были у Успенских; В. А. показывал свою музыку к детской сказке для узбекского ТЮЗ'а, а я — свой марш» (Л. 85).

Мысли о родном городе постоянно преследовали всех уехавших в эвакуацию. Штейнберг упоминает Ленинград практически в каждой записи, иногда они весьма пространны, как запись от 28 апреля 1942 года: «Вечером торжественное заседание в Консерватории по случаю 1-го мая. Большая речь Островского²¹, потом необычайно длинный доклад бригадного комиссара Чекалина — ничего нового, но сильно размельчено; после этого два фильма — фрагменты из готовящегося фильма „Оборона Ленинграда“ и „Разгром немецких войск под Москвой“. В первом — волнующие картины родного города (ноябрь–декабрь 41). Видели обрушившийся угол Малого театра, Консерваторию (гром аплодисментов), ул. Декабристов, пл. Воровского²² (унылый осенний пейзаж, мокро, туман, несут аэростаты заграждения), Кировский завод (танки КВ²³), Невский (без разрушений), Неву с Ростральной колонной и др. Второй фильм заключает в себе много волнующего (например, картины зверств и вандализма), очень импозантны снимки артиллерийского боя; в то же время много снимков однородных, например, движущиеся танки. Очень хороша конница Белова (под музыку, увертюра „Псковитянки“); вообще музыка — сплошная окрошка, недурно использована „Буря“ Чайковского, 2-ая часть Шехеразады» (Л. 88 об. – 89).

²⁰ Успенский Виктор Александрович (1879–1949) — выпускник Петербургской консерватории (1913), композитор, профессор Ташкентской консерватории, ученый-этнограф, автор многочисленных трудов по среднеазиатскому фольклору, среди которых — «Туркменская музыка» (М., 1928), созданная им совместно с В. М. Беляевым. Народный артист Узбекской ССР, народный артист Туркменской ССР.

Беляев Виктор Михайлович (1888–1968) — музыковед, доктор искусствоведения (1944), профессор Московской консерватории (с 1944).

²¹ Островский Арон Львович (1905–1985) — музыковед, профессор Ленинградской консерватории. Окончил консерваторию в 1931 г. Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР.

²² Так тогда называлась Исаакиевская площадь.

²³ «Клим Ворошилов» (название танка).

Музыкальная жизнь Ташкента того времени была весьма активной. В ежедневных записях Штейнберг говорит обо всех услышанных произведениях, дает им свою оценку, которая в этих, сделанных для себя, записях часто разнится с оценкой официальной. Штейнберг выступает как профессиональный слушатель, ревностный приверженец классических традиций: он отличает глубокие, яркие, истинные произведения искусства от сочинений, написанных «на скорую руку». Штейнберг 20 сентября записывает: «Вечером был с Сережей на торжественном концерте в театре под упр[авлением] Ашрафи²⁴. Из европейской музыки играли Испанское каприччио [Римского-Корсакова] и венгерский марш Берлиоза, затем две увертюры Глиэра („Шах-Сенем“ и торжественную), отрывки из узбекских опер „Лейли и Меджнун“ (Садыков²⁵ — Глиэр) и „Великий канал“ (Ашрафи — Василенко²⁶), поражают своей унылостью, однако есть весьма недурные места, особенно в первой; во второй хорош номер с народными инструментами» (Л. 54). Штейнберг 14 ноября отмечает: «Вечером был в узбекском театре на „Даврон ата“ — оборонная пьеса с музыкой Садыкова и Козловского²⁷. Хотя ни слова не понимал, но смотрел с интересом, благодаря хорошей постановке и игре. В музыке многое понравилось, только соединение народного оркестра с обычным не всегда удачно

---

²⁴ Ашрафи Мухтар Ашрафович (1912–1975) — узбекский композитор и дирижер, народный артист СССР. С 1930 — художественный руководитель и главный дирижер Узбекского театра оперы и балета. Среди произведений — опера «Дилором» (1958), балет «Амulet любви» (1969). Профессор Ташкентской консерватории (с 1953), лауреат Государственной премии СССР (1943, 1952). Ряд произведений Ашрафи написан в содружестве с другими композиторами, в частности с Василенко и Козловским. Как свидетельствуют записи в дневнике, Штейнберг во время проживания в Ташкенте регулярно занимался с Ашрафи.

²⁵ Садыков Талиб (1907–1957) — узбекский композитор и дирижер, народный артист Узбекской ССР. Учился в Узбекской студии при Московской консерватории, по классу композиции занимался у Р.М. Глиэра. В 1939–1948 гг. — председатель Союза композиторов Узбекистана.

²⁶ Василенко Сергей Никифорович (1872–1956) — композитор, народный артист Узбекистана, народный артист России, основатель, руководитель и дирижер цикла общедоступных концертов из истории симфонической музыки в Москве (1907–1917). Способствовал развитию профессиональной узбекской музыкальной культуры. Основные сочинения: две оперы, балеты «Иосиф Прекрасный» (1925), «Лола» (1943), «Мирандолина» (1949), симфоническая сюита «Балетная» (1946). Профессор Московской консерватории (с 1907). Лауреат Государственной премии СССР.

²⁷ Музыкальная драма «Даврон ата», композиторы А.Ф. Козловский и Т. Садыков. Козловский Алексей Федорович (1905–1977) — композитор и дирижер, народный артист Узбекской ССР. В 1931 окончил Московскую консерваторию (класс композиции Н.Я. Мясковского). В 1931–1933 дирижер Оперного театра им. К.С. Станиславского в Москве. С 1936 работал в Ташкенте. С 1949 — главный дирижер и художественный руководитель Симфонического оркестра Узбекской филармонии. С 1944 преподавал в Ташкентской консерватории.

и местами создает мутную звучность» (Л. 60 об.). В дневнике 6 декабря появляется следующая запись: «Играл „Абессалом и Этери“²⁸; много хорошего, но, в общем, все-таки 2-го сорта с весьма односторонней и однообразной техникой. <...> Вечером были с Дюром на „Лейли и Меджнуне“ (Глиэр — Садыков). Древняя легенда о двух влюбленных, насильно разлученных (Навои). Опера на редкость минорная, все время грусть и слезы. Публике это нравится — театр полон. Очень хороша Халима Насырова²⁹, остальные почти сплошь безголосые. Публика реагирует очень горячо: хлопки и пронзительные свистки, выражающие одобрение. Расхолаживают бесконечные антракты. Сама музыка не очень интересна; большая часть сильно европеизирована, и появляющиеся иногда куски в чисто узбекской манере кажутся искусственно вкрапленными; впрочем, они-то и есть наилучшее, например, сцена Лейли в 4-м акте» (Л. 63–63 об.).

Многие страницы дневника Штейнберга посвящены друзьям, преподавателям консерватории и особенно ученикам. Штейнберг отмечает все важнейшие дела и события консерватории. Он записывает 19 сентября: «Днем были в клубе швейников, где будет помещаться наша Консерватория. Безотрадная картина беженцев, расположившихся во всех залах и комнатах. При условии перестройки фойе насчитали 28 помещений для классов. Потом был в Союзе композиторов, подал заявление о приеме в члены здешнего Союза» (Л. 53 об.).

Штейнберг 4 апреля отмечает: «Весь день с 12-ти часов заседание совета Консерватории с Владимирским³⁰ <...> Совет на сей раз имел хороший деловой характер: подводились итоги 1-го семестра. Итоги довольно положительные, особенно в области общественно-просветительной работы. Концертов за это время дано 308, из них 33 в зале Консерватории, 80 — на канале³¹, остальные в госпиталях и в воинских частях. Студентов ВУЗ'а на 1 апреля числилось 238 человек, в школе-10-ке — 190. Выступление Владимирского произвело хорошее впечатление: он подчеркнул, что, отдавая должное заботам о фронте, Консерватория должна неуклонно преследовать основную цель — готовить кадры для восстановительного периода после войны. Результатами деятельности консерватории в Ташкенте он

---

²⁸ Опера грузинского композитора З. Палиашвили (1871–1933), созданная в 1919 г.

²⁹ Насырова Халима (1913–2003) — узбекская певица (сопрано), народная артистка СССР. Творческую деятельность начала как драматическая актриса в 1927 г. В 1930–1985 работала в Узбекском театре оперы и балета. Лауреат Государственной премии СССР (1942, 1951).

³⁰ Владимирский Борис Давыдович (1902–1979) — музыковед, заслуженный работник культуры России.

³¹ В это время осуществлялось строительство Ташкентского канала.

весьма удовлетворен и считает необходимым продолжать здесь соби- рание наших сил» (Л. 82 об.).

Событий в консерватории было много, и записи Штейнберга позво- ляют говорить, что учебная, концертная, научная жизнь не останавли- валась ни на минуту. Он отмечает 17 ноября: «Вечером наш первый кон- церт (днем — генеральная репетиция). <...> Оркестр отлично сыграл „Торжественную увертюру“ Глазунова. Второе отделение камерное, тоже прошло отлично (Серебряков³², Рензин³³ и Бузе³⁴, Феркельман³⁵, Рогин- ский³⁶, Грудина³⁷, маленькие Гутников³⁸, Галя Федорова³⁹). Успех всего очень большой; полный зал» (Л. 61 об.). Запись, датированная 17 февра- ля: «Заседание кафедры, доклад Николаева — воспоминания о занятиях в классе Танеева. Было прилично провести почти три часа в разговорах об этом замечательном человеке» (Л. 72 об.). Запись 8 мая: «В Консерва- тории играл с большим удовольствием с Вайнбергом струнный квинтет Шуберта. Потом сыграли посвященную мне 11-ую симфонию Мясков- ского. Первую часть я очень слабо воспринимаю — нагромождение дис- сонансов и часть какофонических сочетаний просто ужасно; зато вторая и третья часть очень хороши и сделаны с огромным мастерством. До сих пор ни разу не пришлось слышать эту симфонию в оркестре — даже и тут мне не везет! Вечером просмотр в ССК: концерт (вернее, рапсодия)

---

³² Серебряков Павел Алексеевич (1909–1977) — пианист, окончил Ленинградскую консерваторию в 1930 г. (по классу Л. В. Николаева), профессор Ленинградской консерватории, ректор консерватории в 1938–1951 и 1961–1977. Народный артист СССР.

³³ Рензин Исая Михалович (1903–1969) — пианист, преподаватель Ленинградской консерватории (1925–1950), профессор Уральской консерватории, в последние годы жизни — заведующий кафедрой фортепиано Петрозаводского филиала Ленинград- ской консерватории.

³⁴ Бузе Григорий Михайлович (1909–1978) — пианист, профессор Ленинградской кон- серватории с 1936 г.

³⁵ Феркельман Михаил Яковлевич (1908–1974) — пианист и композитор, окончил Ле- нинградскую консерваторию в 1935 году (учился у Штейнберга по классу теории ком- позиции). Во время и после войны писал преимущественно песни и инструментальную музыку для эстрады; автор нескольких оперетт.

³⁶ Рогинский Исаак Григорьевич (1921–1987) — окончил Ленинградскую консервато- рию в 1946 г. по классу кларнета. Преподаватель консерватории в 1946–1956 гг.

³⁷ Вероятно, Грудина Людмила Яковлевна — певица (меццо-сопрано), заслуженная ар- тистка России (1960), солистка Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова до на- чала 1980-х годов.

³⁸ Гутников Борис Львович (1931–1986) — скрипач, окончил Ленинградскую консерва- торию в 1954 г. (по классу Ю. И. Эйдлина). Народный артист РСФСР, профессор Ленин- градской консерватории (1958–1986).

³⁹ Федорова Галина Петровна (род. в 1925 г.) — пианистка, окончила Ленинградскую консерваторию в 1948 г. (по классу П. А. Серебрякова). Заслуженная артистка РСФСР, профессор Ленинградской консерватории с 1950 г.

Ю. Крейна⁴⁰ — талантливо, поражает тонусом творческой энергии. Но, к сожалению, монотонно из-за непрерывной изысканности звучаний и малой контрастности тем (лучше всего последняя — танцевальная на 6/8). Узбекская же тематика — только военный повод, так как все изложено на типично французском языке; для французов *c'est barbare*⁴¹ (Л. 92–92 об.).

Штейнберг 16 мая записывает: «Вчера весь день (с утра в Консерватории и вечером дома) готовился к сегодняшней диссертации Должанского „Некоторые особенности тем инструментальных фуг Баха“⁴². В 6 часов защита диссертации — я впервые выступал в качестве официального оппонента. Сошло, против ожидания, весьма гладко, хотя я наговорил музыковедам неприятных вещей („почему сие важно в-пятых“, как говорит Николаев, не решаясь однако высказывать это открыто). Смысл моего выступления был тот, что исследования „геометрических“ особенностей тематизма мало оплодотворяют творческую практику. Диссертация затянулась до 11 часов» (Л. 94 об.).

На страницах дневника упоминаются многие ученики, ставшие впоследствии известными музыкантами, профессорами консерватории. Штейнберг 11 января пишет: «После обеда навестил Леку Каравайчука⁴³, который, наконец, вернулся из больницы после тяжелой кори со всевозможными осложнениями» (Л. 68 об.). А 20 февраля он отмечает: «Сегодня в Консерватории занимался с Лекой, смотрел его марш (к конкурсу)» (Л. 73 об.). Запись от 27 февраля: «Занимался в Консерватории, с удовольствием играл с Исей Слонимом⁴⁴ Бранденбургские концерты 4 и 6 и скерцо из 4-й симфонии Брукнера» (Л. 75 об.). Запись от 22 мая: «В Консерватории у меня новый ученик Митя Толстой⁴⁵, очень талантливый и много сочиняющий» (Л. 96 об.).

⁴⁰ Крейн Юлиан Григорьевич (1913–1996) — композитор, музыкальный писатель. В 1926–1932 гг. учился в Париже в *École Normale de Musique* у Поля Дюка. Автор произведений в разных жанрах.

⁴¹ Это варварство (*франц.*).

⁴² Должанский Александр Наумович (1908–1966) — музыковед. Окончил Ленинградскую консерваторию в 1936 г. Профессор Ленинградской консерватории.

⁴³ Каравайчук Олег Николаевич (род. в 1927 г.) — композитор. В 1945 г. окончил музыкальное училище по классу фортепиано при Ленинградской консерватории. В 1945–1951 гг. учился в Ленинградской консерватории по классу фортепиано (педагог С. И. Савшинский).

⁴⁴ Слоним Виссарион Исаакович (1921–1995) — композитор, пианист. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано у О. К. Калантаровой (1943) и по композиции у М. О. Штейнберга (1945). Преподавал в Ленинградской, Ташкентской и Новосибирской консерваториях. В 1989 эмигрировал в Израиль.

⁴⁵ Толстой Дмитрий Алексеевич (1923–2003) — композитор, пианист. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции Б. А. Арапова, затем стажировался у В. В. Волошинова. Профессор Ленинградской консерватории.

Значительная часть записей Штейнберга связана с кончиной близких и друзей. Горестные строки посвящены, в частности, смерти Ю. Л. Вейсберг⁴⁶. Штейнберг отмечает 11 апреля: «Сегодня письмо от Миши⁴⁷ от 21 февраля: сообщает, что Юлия Лазаревна находится в психиатрической больнице (б. Николая Чудотворца). Бедная, бедная! Господи, сколько несчастий! Живы ли все они теперь?!» (Л. 84–84 об.). А 6 мая Штейнберг записывает: «Опять ужасное известие в открытке Миши от 13 апреля: Юлия Лазаревна ушла из больницы и погибла на улице при обстоятельствах, пока неизвестных. Таким образом, вся семья Андрея перестала существовать<...> С Юлей мы были дружны 37 лет. Сколько чудесных воспоминаний связано с ней: первое время знакомства, когда у нее собирались музыканты (Крейцер, Николаев, Шмулер и другие), потом Париж, где только намечалась наша любовь с Дюром (1907), Эбенгаузен (1911), чудесное путешествие с Андреем <...> в Нюрнберг, по Рейну, Голландия, Брюгге; потом ее замужество с Андреем и наше совместное пребывание в Лондоне (1914), потом годы в Петербурге, «Муз[ыкальный] Современник». Голодные годы после революции наложили на Юлю отпечаток какого-то иного отношения к жизни и к людям. Но наши с ней отношения не изменились, если и появилась в них нотка какого-то критического отношения друг к другу; об этом, если придет время, надо будет подумать посерьезнее. Так или иначе, в лице Юли я имел друга, с которым обо всем решительно можно было говорить и в искренних чувствах которого можно было не сомневаться. Несомненно, Юля, при разных своих недостатках, была женщиной во многих отношениях замечательной; не говоря уже о ее крупном музыкальном даровании (к сожалению, несколько измельчавшем под влиянием обстановки и разных неудач). Необычайная сила воли, упорное стремление к достижению поставленной цели, исключительная прямота характера (очень часто вредившая ей) и совершенно выдающийся интеллект при широкой образованности. Как бесконечно грустно и обидно, что умереть ей пришлось таким образом и в такое время, когда и помянуть ее нельзя как следует, даже и некролог негде поместить. Мысли неотвязно возвращаются к ней. <...> Что случилось с квартирой Андрея, с огромным количеством культурных ценностей, находившихся там —

---

⁴⁶ Вейсберг Юлия Лазаревна (1879–1942) — композитор, жена Андрея Николаевича Римского-Корсакова. В фонде 8 КР РИИИ хранятся материалы, связанные с жизнью и деятельностью Ю. Л. Вейсберг и А. Н. Римского-Корсакова. Подробнее об этом см.: Мазур М. М. Композитор Юлия Вейсберг: личность и творческое наследие (по материалам архивов Санкт-Петербурга).: Дис. ... канд. искусствоведения. СПбГК, 2002.

⁴⁷ Римский-Корсаков Михаил Николаевич (1873–1951) — сын Н. А. Римского-Корсакова, энтомолог, доктор биологических наук.

книг, нот, картин, мемориальных документов, художественной мебели? Страшно подумать, что все это будет расхищено...» (Л. 92–93).

В этой же записной книжке Штейнберга говорится о смерти М. М. Курбанова⁴⁸, случившейся еще в Ленинграде 27 июня 1941 года. Штейнберг записывает: «Сегодня скончался М. М. Курбанов, в больнице, после 12-ти дневной болезни. Видимо, у него был рак печени и, как вторичное явление, крупозная пневмония. Милый старик, какую интересную и красивую жизнь он прожил! Инженер-электрик, музыкант, композитор, балетоман, интересовавшийся всем новым и, несмотря на свои 84 года, дышавший юностью. До последнего дня он ездил с Саперного пер[еулка] на „Электросилу“, где заведовал библиотекой и создал ценнейшую картотеку. Надо сказать, что умер он вовремя, ибо, независимо от нависшей на нас тяжести, всегда был завзятым англофобом, и неслыханный разбой принес бы ему жестокое разочарование» (Л. 38).

Большим ударом для Штейнберга в Ташкенте стала смерть Налбандяна И. Р.⁴⁹ Штейнберг пишет 24 февраля 1942 года в дневнике: «Придя в Консерваторию, был поражен известием о скоропостижной кончине И. Р. Налбандяна. Отменил заседание кафедры и отправился туда с Бриан⁵⁰ и Масловской⁵¹: И. Р. скончался вчера в 11 часов 10 минут вечера. Ничто не предвещало его конца. Накануне он долго гулял с Левиком⁵². Вчера в 6 часов к нему пришел Егоров⁵³, принес коврижку из Рабиса⁵⁴,

⁴⁸ Курбанов Михаил Михайлович (1857–1941) — друг А. К. Глазунова, участник Беляевского кружка. Подробнее о нем см.: *Фатыхова-Окунева Э. А.* А. К. Глазунов: письма к М. М. Курбанову // Петербургский музыкальный архив. Сб. статей и материалов. Вып. 2. СПбГК / Ред. Ф. В. Панченко, Т. З. Сквирская, В. А. Сомов. СПб., 1998. С. 170–183.

⁴⁹ Налбандян Иоаннес Романович (1871–1942) — выпускник Петербургской консерватории по классу скрипки Л. Ауэра, профессор, заслуженный артист России. Подробнее о нем см.: *Беляков М. М.* Об И. Р. Налбандяне // Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Изд. 2-е, доп. В двух книгах. Кн. 2. / Общ. ред. Г. Г. Тигранова. Л., 1988. С. 154–155.

⁵⁰ Бриан (Шмаргонер) Мария Исааковна (1886–1965) — певица, профессор Ленинградской консерватории. Окончила Петербургскую консерваторию в 1912 г. по классу А. Жеребцовой-Андреевой. Заслуженная артистка России. Подробнее о ней см.: Бриан М. И. Незабываемое прошлое // Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Кн. 2. С. 194–196.

⁵¹ Масловская Софья Дмитриевна (1883–1953) — певица, режиссер, профессор Ленинградской консерватории. Заслуженная артистка России, заслуженный деятель искусств Украины.

⁵² Левик Сергей Юрьевич (1883–1967) — артист оперы (баритон), переводчик, музыкальный писатель. В 1938 и 1939 г. преподавал в Ленинградской консерватории сценическое искусство. Автор книги «Четверть века в опере» (М., 1970).

⁵³ Егоров Александр Александрович (1887–1959) — композитор, дирижер хора, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин, профессор. Окончил Петербургскую консерваторию в 1912 г. Заслуженный деятель искусств России.

⁵⁴ Рабис — массовая профессиональная организация в СССР, объединяющая на добровольных началах всех работников искусств. Создана в 1919 г.

они вместе пили чай. Около 9 часов И. Р. почувствовал себя неважно и лег в постель с $t^{\circ} 37,5$, после чего еще до 10 часов читал рассказы Брет Гарта. Потом сознание начало изменяться, он сказал Анне Степановне⁵⁵: „Мне кажется, что я — не я, не понимаю, что со мной“. Дыхание все слабело, пока не прекратилось совсем. Завидная смерть! Но как это грустно, что нет больше милого Иоаннеса Романовича, который всегда так хорошо ко мне относился. И не только ко мне — ко всем он проявлял самое доброе отношение, о своих учениках заботился, как родной отец. Сколько было в нем жизни, энтузиазма, как он умел подбадривать в минуты уныния. Насколько легче становилось во время разговоров с ним, когда мы ехали сюда и подолгу простаивали в коридоре вагона. Он говорил: „Увидите, все будет хорошо“. И вот, по жестокой иронии судьбы, ему не суждено больше увидеть Ленинграда. Вспоминаю, как весело мы проводили с ним время в Москве, на скрипичном конкурсе. Осенью ему здесь исполнилось 70 лет, но мне никогда не приходило в голову, что Налбандян может умереть: казалось, он всех нас переживет — столько в нем было бодрости и жизненной энергии. Потому смерть его так особенно поразила и удручила» (Л. 74 об. – 75).

Часть записей Штейнберга связана с именем Н. З. Хейфеца, одного из его учеников⁵⁶. Штейнберг 4 марта 1942 года отмечает: «Эти дни нахожусь под тягостным впечатлением приезда сюда Хейфеца, Рязанова⁵⁷, Михайлова Н. В.⁵⁸ с военно-морским факультетом. Видел пока только первых двух и Горковенко⁵⁹. Вид у Х[ейфеца] и Р[язанова] ужасающий. Бедный Н. З. лишился всех своих вещей — их бросили во дворе Консерватории в Ленинграде при посадке на грузовики. Ехали они до станции Жихарево (38 км от Мги), через Москву, где пробыли 4 дня. То, что они рассказывают про Ленинград, наполняет сердце ужасом. Нет воды, света, трамваев, автобусов; люди истощены до последней степени» (Л. 76). И 5 марта сделана запись: «Наших вновь прибывших перевезли в Консерваторию и поместили в трех комнатах. Видел Михайлова Н. В. — невозможно его

⁵⁵ Жена И. Р. Налбандяна.

⁵⁶ Хейфец Николай Захарович (1888–1942) — профессор Ленинградской консерватории. Окончил Петербургскую консерваторию по классу тромбона (1910) и классу композиции И. И. Витола и Штейнберга (1916).

⁵⁷ Рязанов Петр Борисович (1891–1942) — профессор Ленинградской консерватории. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции А. Житомирского (1925). Преподавал композицию и теорию музыки.

⁵⁸ Михайлов Николай Васильевич (1892–1962) — профессор Ленинградской консерватории. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу дирижирования у Н. А. Малько (1926). Занимался по теории композиции у Штейнберга.

⁵⁹ Горковенко (Горьковенко) Ю. М. (1895–1947) — полковник, начальник Военно-морского факультета консерватории.

узнать, кажется, совсем другой человек. Рязанов производит впечатление невменяемого. Весь вечер были под гнетущим впечатлением» (Л. 76). А 22 апреля 1942 года в дневнике появляется запись: «Сегодня горестный день, в 2 часа скончался Н. З. Хейфец, которого я по справедливости мог считать своим лучшим другом. И какая досадная, нелепая и безжалостная смерть! Вытерпеть ужасы осады, перенести трудности по пути сюда, лишиться всего имущества только для того, чтобы кончить жизнь в больнице Ташкента. Как хотел он жить и работать — ведь ему было всего 53 года!» (Л. 88 об.).

Тяжелейшие условия пребывания в Ташкенте, особенно в первый год, не помешали активной творческой деятельности Штейнберга-композитора. На страницах дневника постоянно говорится о его работе над тем или иным произведением или обработке сочинений других авторов. Записи раскрывают те высокие требования, которые предъявлял Штейнберг к себе и другим композиторам. Показательна в этом отношении запись, сделанная 20 марта: «Вечером в ССК; критиковал Половинкина⁶⁰, у которого, на мой вкус, не хватает строгого отношения к себе — печет романсы как блины, метод — импровизационность, стиль значительно салонный. <...> Однако большинству романсы Половинкина нравятся — вероятно, я отстал» (Л. 79 об.).

Штейнберг чрезвычайно строго относится к себе, стремясь к систематической работе и страдая от ее отсутствия. Он записывает 29 апреля: «В Консерватории нудный день — ни одного студента. С горя играл в классе (на чудном рояле Глазунова) „Сервилию“ — за последние дни дома проиграл ее всю. <...> Мучаюсь творческим бездействием» (Л. 89 об.). Жизнь в Ташкенте во многом определила творческую направленность Штейнберга: он пишет обработки узбекских народных песен, задумывает крупные сочинения, связанные с историей, фольклором, литературой Узбекистана. Записи, сделанные 23 октября: «Донельзя загруженный день. Утром улаживал дела с пенсией, потом заседание в театре и прослушивание стажеров. После обеда отправился в ССК. Там состоялся просмотр моей песни на мелодию Джалилова⁶¹. <...> Песня была принята весьма

---

⁶⁰ Половинкин Леонид Алексеевич (1894–1949) — композитор, дирижер. С 1924 секретарь Ассоциации современной музыки. С 1926 заведующий музыкальной частью и дирижер Московского театра для детей (ныне Центральный детский театр).

⁶¹ Джалилов Тохтасын (1896–1966) — узбекский композитор-мелодист. Народный артист Узбекской ССР. Автор оперы «Тахир и Зухра» (совместно с Б. Бровцыным, 1949), музыкальных драм «Ойхон» (1929), «Курбан Умаров» (совместно с Я. Шарафутдиновым, 1941), «Мукими» (совместно с Г. А. Мушелем, 1954), многих хоров и песен, а также произведений других жанров. В творчестве Джалилова широко использован узбекский музыкальный фольклор.

одобрительно; все признали, что мелодия неважная и не заключает в себе ничего узбекского; обработка же сделана в узбекском стиле. Песня завтра же идет в гравировку» (Л. 58).

Запись 3 февраля: «Третьего дня приходил Галицкий: предлагает либретто на сюжет „Самаркандского восстания“ в XI веке. Ну как тут братья за оперу при такой обстановке» (Л. 71 об.). Запись 4 февраля: «Вечером сделал обработку песни Джалилова „От солдик“ — для собственной практики; не знаю, годится ли это» (Л. 71 об.). Запись 6 февраля: «Заседание совета в Узгизе. В конце заседания показал свою обработку, которая понравилась. Но тут оказалось, что мелодия вовсе не Джалилова, а народная „Мирза Довляй“ и напечатана в сборнике Миронова 1928 г.» (Л. 71 об.)⁶².

В записях 21 апреля он отмечает: «Хилькевич⁶³ предложил мне план либретто комической оперы „Ханский брадобрей“. Весь день терзался сомнениями. „Абая“ хочет писать Жубанов⁶⁴ — я решил не возражать, чтобы избежать впоследствии всяких пакостей. Во время ужина читал либретто всем нашим; либретто само по себе неплохое. <...> Написал заявление из 6 пунктов: 1) отказываюсь от Абая; 2) прошу сюжет героико-эпический или легендарно-фантастический; 3) хотел бы написать балет; 4) требую продления сроков ввиду неполучения либретто в течение более года; 5) в Алма-Ату готов приехать в начале лета или в начале осени; 6) в крайнем случае готов писать „Ханский брадобрей“. Кажется, так будет хорошо, но вообще не представляю себе, как буду работать»⁶⁵ (Л. 87).

Эта и другие записи свидетельствуют о непрерывающейся активности Штейнберга-композитора во все годы эвакуации, хотя его постоянно преследовали мысли о родном городе. Штейнберги вернутся в Ленинград только в 1944 году. В Ташкенте им предстояло жить еще два долгих года.

⁶² Миронов Николай Назарович (1870–1952) — музыкант-этнограф, композитор, музыкально-общественный деятель. Народный артист Узбекистана. Речь идет о его работе «Музыка узбеков, Самарканд» (М., 1929).

⁶³ Юнгвальд-Хилькевич Эмиль-Ольгердт Иосифович — основоположник узбекской оперной режиссуры, отец кинорежиссера Г.Э. Юнгвальд-Хилькевича (кинофильм «Д’Артаньян и три мушкетера».)

⁶⁴ Жубанов Ахмет Куанович (1906–1968) — казахский музыковед, композитор, дирижер. В 1932 окончил историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории. Среди музыкальных произведений Жубанова — оперы «Абай» (1944) и «Тулеген Тохтаров» (1947), написанные совместно с Л. А. Хамиди, симфоническая поэма «Абай», многочисленные переложения песен казахских народных композиторов. Народный артист Казахской ССР, академик АН Казахской ССР.

⁶⁵ О результатах творческой работы Штейнберга в Ташкенте мы можем узнать из статей сборника «Пути развития узбекской музыки», изданном сразу после войны (ред. С.Л. Гинзбург. Л.; М., 1946). В нем помещены статья А.Н. Должанского «Симфония-рапсодия № 5 Максимилиана Штейнберга» (с. 125–132) и статья самого М.О. Штейнберга «Моя композиторская работа над узбекским фольклором» (с. 103–106).

Литература

1. *Беляков М. М.* Об И. Р. Налбандяне // Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Изд. 2-е, доп. В двух книгах. Кн. 2 / Общ. ред. Г. Г. Тигранова. Л.: Музгиз, 1988. С. 154–155.
2. *Бриан М. И.* Незабываемое прошлое // Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Изд. 2-е, доп. В двух книгах. Кн. 2 / Общ. ред. Г. Г. Тигранова. Л.: Музгиз, 1988. С. 194–196.
3. *Должанский А. Н.* Симфония-рапсодия № 5 Максимилиана Штейнберга // Пути развития узбекской музыки / Ред. С. Л. Гинзбург. Л.; М.: Искусство, 1946. С. 125–132.
4. Из записных книжек М. О. Штейнберга 1919–1929 гг. / Публикация О. Л. Данскер // Из фондов кабинета рукописей Российского института истории искусств. Публикации и обзоры / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова СПб.: изд. РИИИ, 1998. С. 88–131.
5. *Мазур М. М.* Композитор Юлия Вейсберг: личность и творческое наследие (по материалам архивов Санкт-Петербурга): Дис. ... канд. искусствоведения. СПбГК, 2002. 318 с.
6. *Фатыхова-Окунева Э. А.* А. К. Глазунов: письма к М. М. Курбанову // Петербургский музыкальный архив. Сб. статей и материалов. Вып. 2 / Ред. Ф. В. Панченко, Т. З. Сквирская, В. А. Сомов. СПб.: СПбГК, 1998. С. 170–183.
7. Шостакович в дневниках М. О. Штейнберга / Публ. и комм. О. Л. Данскер // Шостакович между мгновением и вечностью. Документы, материалы, статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор, 2000. С. 83–148.
8. *Штейнберг М. О.* Моя композиторская работа над узбекским фольклором // Пути развития узбекской музыки / Ред. С. Л. Гинзбург. Л.; М.: Искусство, 1946. С. 103–106.